

НЕ ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии России, директор Института астрофизики Общества Макса Планка в Германии Рашид Алиевич Сюняев в Казань сошел с небес. До того, как его здесь стали торжественно встречать, сажать в президиумы всемирных курултаев, награждать орденами, он должен был стать выдающимся астрофизиком мирового масштаба. Он и стал им, родившись в семье татар, уехавших из Мордовии в Казахстан, а затем пройдя после окончания механико-математического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова путь до крупного астрофизика планеты. Сейчас заметно: ему, имеющему мировую известность, необходимо и признание Казани; а Казани, тоже имеющей мировую известность, необходимо и его признание. Сейчас Сюняев пытается в Казани как бы даже оправдаться за недостаточное знание татарского языка – так сложилась жизнь. На шестом съезде Всемирного конгресса татар в августе 2017 года он взволнованно говорил, что его именно по татарскому имени Рашид знает весь научный мир. Рашид Сюняев хотел еще и еще раз донести до Казани мысль о том, что Казань как центр татарского мира не должна отторгать и тех татар, которые не владеют татарским языком. Многие из них – выдающиеся люди, народ должен гордиться ими и найти способ вернуть этих людей в лоно родного народа, а не считать «манкуртами».

Должен гордиться «народ» – в данном случае, наверное, в лице Казани. А еще точнее – в лице казанской политической и культурной элиты. К этой элите прежде всего и была обращена мысль Сюняева, как и подобного рода мысли других татар, живущих вне Татарстана, но так или иначе стремящихся к признанию Казанью. И нынешние политические лидеры Татарстана знают об этом, наверное, воспринимая это как некое свое желанное достижение.

Возможно, Сюняеву по большому счету и не удалось убедить в своей некой правоте – правоте татарина, не знающего в достаточной мере родной язык, исторически самодостаточную Казань, все-таки в глубине души считающую настоящими татарами тех, кто говорит по-татарски, соблюдает традиции, кто пусть и втайне, но все же уважает многовековую историю татарской национальной государственности. Здесь имеется в виду Казань – в лице той татарской гуманитарной элиты, которая озабочена

сохранением этнической основательности и прочности народа на земле. А этническая прочность татарского народа – без татарского языка невозможна!

Но Сюняева, сошедшего с небес, уже как бы обретшего историческую твердь среди звезд, Казань, очень чуткая к современной политической ситуации в России и во всем мире, и так привечает, внешне не придавая значения тому, на каком языке он говорит даже на этнических форумах. Потому что нынешней Казани, стремящейся сохранить статус центра татарского мира планеты Земля, это нужно. Как и академика Российской академии наук Роберта Нигматулина, вышедшего на казанский берег чуть ли не из глубин Мирового океана, Казань привечает, прославляет, сажает в президиумы курултаев, предоставляет слово, осыпает наградами. Научный руководитель Института океанологии РАН Нигматулин, выступая на шестом съезде ВКТ, в отличие от Сюняева не постеснялся говорить по-татарски, но тоже как бы убеждал Казань в том, что он настоящий татарин, выполняющий национальный долг по передаче языка и традиций потомкам.

ЯЗЫК МОЙ, СОХРАНИ МЕНЯ

Рашида Сюняева в дни того же съезда Всемирного конгресса татар я случайно встретил возле башни Сююмбике. Всегда во время приездов в Казань прихожу к этой башне, прикасаюсь к ее камням. Сюняев сказал, что знает мое творчество по интернет-источникам, читал чью-то критику в мой адрес, будто я не владею татарским языком, а тут вдруг оказалось, что владею. И почему-то даже удивился этому, хотя – чему удивляться: я вырос в татарской деревне, и выбор русского языка для литературного творчества у меня был одновременно и естественным, и осознанным, как у многих темниковских татар. Русским языком еще в раннем детстве мне был дарован органичный, уютный простор для художественного самовыражения. При этом необъятный, за многие века проникшийся и татарской национальной историей русский язык не потребовал от меня отрыва от татарского языка, следовательно – от татарского народа.

В Казани я вновь заметил, что Рашида Сюняева волнует проблема его собственной оторванности от языка – как от истинно небесного явления, делающего народ народом, а человека – частью народа, «языкотворца». Настоящее, поистине высокое небо для народа – его язык. Сюняев, уже достигший интеллектуальной и небесной высоты, хотел бы, наверное, и без хорошего знания языка остаться в национальной высоте народа. Может, и в порядке исключения – как татарин, достигший высоты в профессии. И даже заступает за других таких же татар. Хотя Рашид Алиевич сумел при желании и необходимости освоить не только русский, но и немецкий и английский языки. Потому возникает вопрос: можно ли быть поистине великим татаринком без татарского языка? Это вряд ли возможно, что бы ни говорила Казань в лице ее нынешних политических правителей, награждая при этом знаменитых людей орденами и сажая их в президиумы курултаев. Без языка татарский народ вряд ли мог бы много веков сохраняться под высокими звездными небесами, а не просто под рукотворными «звездами» Казанского

кремля. Полагаю, об этом хорошо знает и академик Сюняев.

Более того, выбор дарован каждому из нас – небесами, звездными, но беспристрастными даже к выдающимся, признанным на земле астрофизикам небесами. Быть в народе – значит, быть и в его языке, благодаря которому народ жив на свете. Даже выдающимся людям с татарскими именами, если для них по-настоящему важно полноценно оставаться в плоти родного народа, когда-то приходится определяться: быть или не быть в стихии языка, а значит – в стихии народа. Почести от нынешних правителей Татарстана как знаменитому татарину – приятны, а знание родного языка – трудно. Но без этого труда – нет отдельного человека в народе в полной мере. Роберт Нигматулин, родившийся и выросший в Москве на Арбате, специально потрудился и выучил татарский язык на том уровне, что можно было ему выступить по-татарски и с трибуны съезда Всемирного конгресса татар. А это как раз тот, пусть даже символический, уровень публичности, где можно показать себя миру реально выдающимся представителем татарского народа.

В сегодняшнем мире татарам, наверное, особенно важно, чтобы именно такие всемирно знаменитые люди знали язык народа. Чтобы прежде всего знанием родного языка помогали татарам сохранить себя в океане глобализма под холодной луной; чтобы своим красноречивым примером владения родным языком помогали родному народу себя сберечь. С тех, кому больше дано природой, история народа вправе и больше спрашивать. Особенно сейчас, в условиях ассимиляции, когда твоему народу грозит опасность оказаться в бездне этнического небытия. Потому сегодня было бы ценно – авторитетно, своим личным примером свободного владения татарским языком, отстаивать необходимость возвращения родного языка даже к тем, кто был невольно отлучен от него.

БЫТЬ В СВОЕМ НАРОДЕ

Академик Сюняев хорошо знает и о том, что никто на свете не обходится без своего народа. Особенно – люди большие, звездные, оторванные от повседневного бытия родного народа, «живущие» или в небесах, или в океане. Особенно – в старости или на пути к ней, когда наиболее остро и пронзительно начинают вспоминаться и корни, и осколки языка, и обрывки традиций. Эти люди сами, профессионально признанные во всем мире, ближе к старости начинают искать какого-то особого, сокровенного признания в татарском народе; искать признания и в Казани.

Да ведь и не надо быть – вне народа. Никто же не заставляет в современном обществе отрываться от народа. Ни в России не заставляют, как это иногда бывало в царские времена, ни в Европе, ни в Америке. И особо сокровенно твоими успехами гордится – именно народ, родивший тебя. Сюняев, достигший огромных профессиональных успехов в человечестве, испытал на своем опыте – красиво быть татариним и в США, и в Германии. И, конечно же, на родине нашей – в России.

Быть в народе – важно, это предписано самой природой, создавшей народы; без этого, наверное, невозможно полноценно жить и творить под пронизательным небом,

разделившим человечество на народы. При этом ценно проявить убежденную волю к тому, чтобы не делать самому выбор по выходу из народа, по возможности – самостоятельно не переименовывать себя. А благодарно сохранив имя свое, неизменно быть на стороне культуры своего народа, на стороне родного языка. В этом – неукоснительное почитание предков. В этом – огромный вселенский смысл, скорее всего, не меньший, чем любое грандиозное научное открытие.

Стремление знаменитого астрофизика планеты по имени Рашид Алиевич Сюняев, назвавшего и детей татарскими именами Али, Шамиль, Усман, Зулфия, остаться в родном татарском народе, принадлежа всей планете, заслуживает уважения. Являясь достоянием всей многонациональной России и всего человечества, обладателем множества престижных международных научных наград за изучение Вселенной, Сюняев остается именно на стороне своего татарского народа. Это важно для него, важно для татар, важно для человечества, чья общая устойчивость определяется устойчивостью каждого народа, предписанного Земле звездным небом.

И дело за малым – даже общаясь со звездным небом, не покидать пространства родного языка. Рашид Сюняев на съезде Всемирного конгресса татар, по его собственному признанию, постеснялся выступить на «чокающем» мишарском диалекте мордовских татар. Его никто и не упрекнет за это – он признанный профессионал в астрономии; но он сам, судя по всему, задает себе трудные вопросы о языке и народе в преклонном уже возрасте. И волнительный вопрос: можно ли полноценно быть в народе – не зная родного языка? Потому на съезде в Казани он более всего, наверное, разговаривал с самим собой, а не с аудиторией.

А «падающая» башня Сююмбике в то время, пока мы недолго разговаривали с академиком, подпирала небеса. Как она уже много веков по-своему подпирает исторический и национальный дух татарского народа. Более того, в данный момент она подпирала и небо астрофизика Сюняева. Над великой башней уже восходила Луна, о которой многое знал академик Сюняев, но она о Сюняеве, скорее всего, не знала ничего. Обо всем татарском народе, имевшем выдающуюся счастливую и многострадальную историю, сохранившем себя, Луна, возможно, что-то и знала. Над высокой татарской башней, знаменитой на весь мир, восходила Луна – особо любимая татарским народом. Небеса о целых народах знают, скорее всего, больше, чем об отдельных людях. Не случайно же и эти отдельные люди, наделенные особой исторической чуткостью, ищут признания в своем народе.

ЗВЕЗДА ЖЕЛЕЗНОГО КОЛА

Рашиду Сюняеву интересна поэзия Золотой Орды, где поэты еще за сто лет до астрономического открытия Коперника писали о парне, который кружится вокруг девушки, как Земля вокруг Солнца. На русский язык – на язык нашего межнационального единства, взаимопонимания и общения с миром эти стихи перевел Равиль Бухараев, который также жил в Европе – в Лондоне, но старался не порывать связи с Казанью, испытывая чувство долга и даже некой, как мне показалось, вины

перед родным народом. Вины – за творческое отдаление от родного языка. Кстати, при нашей встрече на берегу Волги несколько лет назад Бухараев с удовольствием говорил о том, что татарский мир – это мир Вселенной. Изначально так было. Бухараев, многие годы жизни посвятивший пропаганде ислама – родной религии татар, был уверен: ислам призывает найти наши координаты в звездах, а не на земле. Потому важно ощущать себя людьми Вселенной. Хотя для татарского народа в этой огромной Вселенной необходим и сильный Татарстан. Скорее всего, Бухараев, как, наверное, и Сюняев, верил в искренность правящих республиканских политиков, которым в президиумах курултаев рядом с ними необходимы знаменитые на весь мир татары. Как, например, Рашид Сюняев – в президиуме шестого съезда Всемирного конгресса татар. Чтобы прочнее было имя народа в человечестве.

А предки Сюняева тоже, оказывается, интересовались небом. Дед академика Абдурахман, которого в ранней юности с караваном взяли в степь, чтобы продукцию своих мастерских он смог обменять на шкуры, был особенно впечатлен степным небом. Сиял Млечный путь. Мог ли тогда думать юный Абдурахман, что его внук станет одним из лучших астрономов Земного шара! Но Абдурахман знал о том, что Полярная звезда, сиявшая над степью, тогда по-татарски называлась – Тимер Казык Йолдызы, то есть – Звезда Железного Кола. Язык народа по-своему, своеобразно и неповторимо обретает всемогущий космос, и может, в космосе продлевает жизнь народа. А еще Абдурахман, татарин из мордовского края, бежавший с семьей от раскулачивания в Среднюю Азию, во время степного путешествия заметил: звезды кружатся вокруг Полярной звезды – как табун лошадей. Как еще в глазах татарина могли кружиться звезды! Какими еще мог увидеть звезды простой татарский парень!

И сейчас, слыша, как и «звезда с звездой говорит» непременно на своем языке, Рашид Сюняев, возможно, мысленно лишь по-татарски разговаривает и с историей своих предков, и с историей всего своего народа. Ведь другого языка история народа может и не услышать...

УЧАСТЬ ЗНАМЕНИТЫХ ТАТАР

